

Александр Каплуновский
(университет в Майнце, Германия)

Университетское многоголосие: опыт реконструкции архива профессора Христиана Шлецера

Начать свое выступление мне хотелось бы с небольшой рефлексии в продолжение наших дискуссий над двумя смежными темами - университетские архивы как культурный проект и конструирование университетских традиций.

На одном из первых заседаний исторических секций был достигнут консенсус, согласно которому стихийные бедствия и крысы не обладают субъектностью в поле конструирования университетских архивов и традиций. Поэтому я могу сразу выделить по меньшей мере две аналитические и описательные рамки, с помощью которых возможно приближение как к актерам, так и к интересующим нас культурным практикам:

Во-первых, можно помыслить архивный ресурс университетской истории как аккумуляцию и селекцию знания, дискурсов, как производство и воспроизводство саморепрезентаций, а также мнемотопов коммеморации внутри самого университетского сообщества и сопричастными к нему субъектами. Условно говоря, в оптике Фуко, Мориса Хальбвакса или Яна Ассмана, университетский архив превращается из груды делопроизводственных документов, якобы отражающих «все и вся» или то, «как оно на самом деле было», в пространство динамичных культурных практик. Мы начинаем видеть зазоры, наложения и конфликты или лакуны и зоны умолчания. А профессора, студенты, императоры и министерские бюрократы становятся производителями статусов и смыслов. Более того, участниками оказываются и университетские канцеляристы. У меня есть серьезное подозрение, что пресловутые разночинцы, будучи поначалу терминус техникус для обозначения в канцелярском языке университетов студентов из недворян – представителей разных непривелигированных чинов, т.е. сословий, благодаря в частности этому языку обрели затем свое социальное лицо. Так что и в этом измерении университетский архив был значимым культурным проектом – как локус создания и функционирования языка и практик социальной группности и стратификации. Тоже можно сказать и о социальном маркере профессий в поздней Российской империи – юристами и медиками из мещан, купцов, евреев и инородцев становились в университете. Елена Вишленкова могла бы

продолжить этот ряд университетскими учеными, описывавшими и конструировавшими имперское пространство России.

Во-вторых, университетский архив является, безусловно, культурным проектом в качестве продукта наших собственных исследовательских практик и научных парадигм. И в данном случае его границы подвижны и гибки *per se*, они следуют за фокусом и оптикой исследовательского интереса и задаваемыми вопросами, выходя за стены университетского архива, как авторизованного, институционализированного хранителя информации. В этом случае, к примеру, речь может идти о биографиях ученых, в жизни которых университет сыграл определенную, но не единственную роль, мы можем обратиться к жизни университетариев за пределами стен *alma mater* и т.д.

Это последнее замечание подводит меня к основной теме моего доклада – реконструкции личного архива профессора политической экономии и дипломатики Московского императорского университета Христиана Шлёцера (1774-1831).

Начну с саморефлексии. В ретроспекции идея проекта была сформулирована гораздо шире, чем оказались его результаты на выходе. Пару лет назад, ко мне обратились мои коллеги-историки из Москвы, Казани и Харькова, работавшие тогда над уже неоднократно упоминавшемся коллективным проектом „*Ubi universitas, ibi Europa*“. В рамках проекта исследовалась университетская культура в России XVIII-первой половины XIX веков. Одна из его частей была посвящена истории трансфера и адаптации университетской идеи и институции, импорта экспертов и экспертного знания, в частности из Германии. Для издания биографического словаря иностранных профессоров в российских университетах потребовалась дополнительная информация или уточнения биографических данных, в особенности на тех из них, кто прибыл в Россию в начале XIX века и спустя какое-то время вернулся в Германию. Это навело меня на мысль, несколько усложнить задачу и обернуть трансфер и академическую миграцию в обратную сторону и попробовать реконструировать биографии тех, кто и после России, благодаря или вопреки обретенному здесь опыту, знанию и статусу продолжал научную и университетскую карьеру в Германии. Так начались мои поиски личных архивов и эго-документов “возвращенцев” из числа немецких университетариев с временной российской пропиской. Сознательно или подсознательно, (в действительности ближайшим релевантным архивным полем оказался Бонн), но моим первым кандидатом стал Христиан Шлёцер, который с 1828 г. и до своей смерти в 1831 году был экстраординарным профессором философского факультета боннского

университета.¹ Результаты работы с университетским архивом в Бонне были малообнадёживающими, архив сильно пострадал в апреле 1944 года в бомбежке союзнической авиации, а сам протагонист прожил после возвращения всего 5 лет. Однако, я знал, что в архиве семьи Шлёцеров, разбросанном между Гёттингеном и Любеком, есть личный фонд Христиана. Так что я оставил его “прозапас”, сосредоточившись на других, не менее знаковых, но более многообещающих фигурах, в частности, на философе Иоганне Буле, философе и экономисте Людвиге Якобе, философе Иоганне Шаде, филологе и одном из отцов исторического краеведения в Германии Дитрихе Роммеле, а также и ветеринаре Теобальде Реннере. После нескольких месяцев кропотливых и нередко детективных поисков в различных немецких архивах я к своему полному разочарованию должен был признать, что собранного материала на задуманную коллективную биографию “репатриантов” попросту недостаточно. Никто из них не оставил компактных и релевантных для интересовавших меня проблем архивных приисков. Так, в частности, в один прекрасный день, в городском архиве г. Брауншвейг – родном городе Иоганна Буле, в который он вернулся и профессорствовал в Коллегии Каролиnum², я обнаружил, что все его имущество, включая библиотеку, было распродано дальними родственниками с аукциона спустя всего два года после его смерти в 1821 году. Таким образом, возвращение к Христиану Шлецеру и его личному фонду стало фактически неизбежным. А вместе с этим пришлось во-первых, переориентироваться на его судьбу в России и во-вторых поменять дизайн проекта, редуцировав его до комментированного издания личной переписки Христиана Шлёцера с его семьёй, прежде всего с отцом и матерью. Сразу оговорюсь, что сборник должен выйти в ноябре-начале декабря из печати.

Христиан Шлёцер преподавал в Московском университете с 1802 по 1826 г., опубликовал за этот период только по неполным подсчётам свыше 30 трудов на русском, немецком, французском и латинском языках, среди которых выделяются учебные пособия для гимназий и университетов по естественному, римскому, уголовному и гражданскому праву, а также его главный труд – “Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве”. По компетентному

¹ Здесь он читал бесплатно лекции по дипломатике, государственному хозяйству, теории сельского хозяйства и теории государственного управления и истории („с их практическим применением к истории и статистике Российской империи“).

² Collegium Carolinum, durch Herzog Carl I 1745 technische, naturwissenschaftliche und merkantile Fachgebiete, über Sprach- und Geisteswissenschaften bis zur Theologie und Chirurgie.

мнению экономических историков Роджерса Батлера и Йоахима Цвайнерта (монография последнего вышла недавно на русском языке) – Христиан Шлецер считается основоположником университетской экономической теории и мысли в России, синтезировавшей экономический либерализм Адама Смита с немецкой камералистикой и реалиями российской аграрной экономики. Историографы традиционно относили и относят его к когорте иностранных или немецких профессоров так называемого “Муравьевского призыва”. Его имя фигурирует во всех значимых трудах по истории Московского университета – начиная от Шевырева, кончая публикациями Фёдора Петрова, Андрея Андреева и присутствующего здесь сегодня Евгения Кунца. К сожалению, с диссертацией Евгения мне ознакомиться не пришлось, я поздно узнал о ней, поэтому моя следующая ремарка к его работе (ПОКА!) не относится. Дело в том, что в упомянутых исторических трудах биография Шлецера младшего вынужденно базируется на крайне ограниченных материалах личного происхождения – идет ли речь о трансфере и адаптации университетской идеи и культуры, о “вкладах” в науку, образование или такие более общие темы как российская культура и просвещение. Анализ очень быстро смещается на его опубликованные труды, в область истории идей, экономической концепции и теории. Упоминание личного фонда Христиана Шлецера, а именно его любекской части, содержится только в работах Андрея Андреева. Но, похоже, что если не первооткрывателем, то первопроходцем довелось стать мне.

В архиве города Любек меня ожидали начерно разобранные по 5 папкам сочинения и письма юного Христиана, “письма из России родителям”, дипломы и аттестаты и черновик автобиографии. В подавляющем большинстве все это на немецком языке, на так называемом готическом курсиве, который несколько усложняет работу с материалом. Автобиографию пришлось сразу же снять с повестки, поскольку это оказались крайне скудные по содержанию и объему, разрозненные и черновые наброски. Несравненно более интересными были письма, их подавляющее число относилось к российскому периоду в жизни и деятельности Христиана с 1796 по 1809 годы. Основной массив этих писем хранится в Любеке (другая их часть, наряду с манускриптами неопубликованных и опубликованных работ находится в составе семейного фонда Шлецеров в Геттингене). Гёттингенское собрание было приобретено в 1930х годах отделом рукописей университетской библиотеки у Леопольда Шлецера, потомка Августа Шлецера по линии его младшего сына Карла. Реконструировать историю разделения фонда между Любеком и Геттингеном мне так и не удалось. На

неоднократные вопросы о делах фондов и мои попытки их получить, сотрудники обоих архивов только пожимали плечами и утверждали, что таковых у них попросту нет. Причем, если все документы, библиотека, манускрипты и огромная личная переписка Августа Шлецера хранятся в Геттингене, то даже фонды его дочери Доротеи Родде-Шлецер, вышедшей замуж за любекского купца и сенатора Маттеуса Родде, и сына Карла, купца, сенатора и российского консула в Любеке оказались, как и в случае Христиана, разбросанными между Геттингеном и Любеком.

Работа с эпистолярными материалами Христиана усложнялась еще и тем, что фрагментированными оказались и сами письма, которые порой в ходе трансляции на современный немецкий язык приходилось сводить воедино. За отсевом сильно поврежденных, набралось чуть больше 40 писем, относящихся, как я уже упомянул к периоду 1796-1809 годов. За одним единственным исключением, это письма Христиана отцу и матери, ответная корреспонденция отсутствует. Верифицируемой версии обстоятельств утраты, цензуры или уничтожения основного массива личного фонда Христиана у меня нет. По косвенным свидетельствам и содержанию корреспонденции, ее объем должен был бы быть в несколько раз больше. Можно только предположить, что часть архива была утрачена во время эвакуации московского университета в 1812 году, Христиан был в Вологде. Какую-то часть мог уничтожить сам Христиан, или же, поскольку у него не было прямых наследников и его бумаги после смерти хранил брат Карл – селекция и цензурирование были делом рук последнего. Тем более, что братья испытывали друг к другу сильное чувство неприязни. Карл оставил в своих неопубликованных воспоминаниях крайне лаконичные и нелестные отзывы о Христиане.

Что нового из биографии Христиана Шлецера рассказывает эта корреспонденция? И в какие контексты встраивается ее содержание?

Во-первых, это семейная история или хроника Шлецеров, с ее очень сложными конфигурациями и отношениями и воспитанием детей, то – что в германской историографии, как исторической, так и педагогической, получило название “Шлецеряны”. Переезд Христиана в Россию был бегством из-под опеки и деспотического контроля отца, а не “Муравьевским призывом”. И первым его поприщем в России, стали не профессура в Дерпте в 1801 году или с 1802 года в Москве, а домашнее учительство в семье медика и профессора повивального искусства Генриха Фрезе, а позднее в семье своего будущего коллеги по Мск. университету профессора анатомии и декана медицинского факультета Федора Керестури.

Во-вторых, это стратегии и практики аккультурации или интеграции как в университетскую среду, так и в повседневность, освоение “чужаком-мигрантом” в терминологии и концепции Альфреда Шюца нового пространства. В письмах к матери, содержится помимо того много личного и московских великосветских сплетен – трагическая любовь, званые ужины, бытописания и т.п.

В-третьих, и это последнее, это конструирование собственной биографии ученого, в том числе и через переписку с отцом, которая носит характер так называемой “Gelehrten-Korrespondenz” - ученой корреспонденции.

Христиан был вторым ребенком из пяти, родился 1 декабря 1774 г., в Гёттингене. Как и в случае его братьев и сестер уже с ранних лет его судьба и карьера была предопределена отцом. В то время как старшей сестре Доротее была приурочена в рамках “анти-базедовского воспитательного эксперимента” судьба “образованной дамы”,³ средний брат Людвиг должен был стать генералом, младший брат Карл банкиром и министром финансов, а Христиан – готовился отцом к карьере профессора “экономии и камералистики”.

Sein Bruder **Karl** schrieb hingegen später in seinen Lebenserinnerungen, dass Christian ausstudiert und mit der Doktorwürde in der Hand „aber aus Mangel an Anstellung dem Vater auf der Tasche liegen“ musste. Es habe deshalb ein schlechtes Verhältnis zwischen den beiden geherrscht, was Christian zur Annahme einer Hauslehrer-Stelle in Moskau veranlasse. Wenig schmeichelhaft klang jedoch die daran anschließende Charakterisierung, die Karl seinem älteren Bruder gab: „Und dann entschloss er sich in Moscau eine Hauslehrerstelle anzunehmen. Da hielt aber sein zänkischer Charakter nicht lange aus. Er war sehr gelehrt sprach außerdem Franz.[ösisch] und später ganz sehr gut Russisch. Er hielt Vorlesungen und schrieb im Latein, Deutsch, Russ[isch] und Franz.[ösisch]. Und so erhielt er eine Professur an der Univ.[ersität] Moscau. Als Karl 1806 ihn da besuchte ging es ihm noch sehr gut. Im Jahre 1811 kam er nach Lübeck zum Besuche, auch da war er noch ein erträglicher Mensch, nachher aber verfiel er in Moscau. Er war ein sehr schöner Mann, aber nicht zu leben mit ihm. Er war boshaft (s. Archiv Christian). Er konnte kriechen wenn es noth war und dann wild werden. Er konnte selbst seinen Freunden die entsetzlichsten Beleidigungen zufügen. Sein trauriges Ende geht aus dem Archive Christian hervor. Ich vergebe ihm die ganz unerhörten Kränkungen und Beleidigungen von denen man sich keinen Begriff macht, die ich für alles, was ich für ihn gethan, von ihm erduldet habe“.

Slovo o tom, čto spravedlivyj i mudryj gosudar' sam nikogda ne sudit del svoich poddannyh, no vseгда preporučaet suždenie ich učreždennym na to prisutstvennym mestam. 1802 г.

³ KERN, Bärbel/ KERN, Horst: Madame Doctorin Schlözer. Ein Frauenleben in den Widersprüchen der Aufklärung. München 1990²; SCHLÖZER, Leopold von: Dorothea von Schlözer. Ein deutsches Frauenleben um die Jahrhundertwende. 1770-1825. Göttingen 1937.